EXTENSIONS AS TECHNO-SOMATIC ASSEMBLAGES: TOWARDS A HISTORY OF THE IDEA[1]

Sergei V. Sokolovskiy (a)

(a) Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.
Email: sokolovskiserg[at]gmail.com

Abstract

The article deals with the sesquicentennial history of the concept 'extension', popularized by the founder of proxemics Edward Hall. Introduced during the early XX c., the concept gained currency in contemporary anthropological ecology, media theory, and sociology. A number of scholars, including the founder of the philosophy of technology Ernst Kapp and that of psychoanalysis – Sigmund Freud, had contributed to the theory of extensions further developed by a visionary engineer Richard Buckminster Fuller and Canadian media theorist Marshall McLuhan. The author discusses the place of extensions among other types of techno-somatic assemblages and suggests a typology of extensions according to their topological location, relative size, and the human faculty or function that a particular extension magnifies or supersedes. The history of the concept enables one to assert that human cultural artifacts could be viewed as a certain organ's or somatic function's dilation or amplification and that one's body and mind occur in stable relations with technical artifacts (various tools, appliances, machines, infrastructures) well before birth as parts of techno-somatic assemblages. Extension as a special type of hybrid techno-somatic entities, as a chimeric concept, uniting somatic (natural) and human-made (artificial, cultural, technical) elements, becomes the encompassing notion for culture and technology in their entirety, a bridge between body and mind, on the one hand, and technical milieu, on the other. The author assesses the implications of such a view for body, memory, and death studies.

Keywords

human corporeality; extension; technical media (technosphere); technomorph; assemblage; Edward Hall; Herbert Marshall McLuhan; Richard Buckminster Fuller; Sigmund Freud; Ernst Kapp

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License.

1 The research for the article has been supported by the Russian Science Foundation (grant No. 18-18-00082)

ЭКСТЕНСИИ КАК ТЕХНОСОМАТИЧЕСКИЕ СБОРКИ: К ИСТОРИИ ОДНОЙ ИДЕИ[1]

Соколовский Сергей Валерьевич (a)

(a) Институт этнологии и антропологии Российской академии наук. Москва, Россия.
Email: sokolovskiserg[at]gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается более чем полуторавековая история понятия экстенсия, введенного в широкий оборот американским антропологом, основателем проксемики Эдвардом Холлом, и использование этого понятия в ряде дисциплин, включая антропоэкологию, психоанализ, теорию медиа и социологию. Определяется вклад отдельных исследователей в разработку этого понятия и сопряженных или конкурирующих с ним концептов. Определяется место экстенсий в ряду других типов техносоматических сборок. Предлагается рабочая типология самих экстенсий, учитывающая их относительные размеры, топологическое положение относительно тела и конкретные функции или способности человека, которые эти экстенсии усиливают, или заменяют и вытесняют. Анализ истории развития понятия экстенсия позволяет утверждать, что все артефакты человеческой культуры могут рассматриваться как экстенсии определенных телесных органов или функций, как их продолжение или амплификация, и что тело и психика человека еще до его рождения оказываются сопряженными со множеством технических артефактов (инструментов, аппаратов, машин, инфраструктур) и выступают в качестве элементов техносоматических ассамбляжей. Экстенсия как особый тип гибридной техносоматической реальности, как химерическое понятие, объединяющее в своем содержании телесное (природное) и произведенное человеком (культурное, техническое, искусственное), становится в такой расширенной трактовке синонимом техники или культуры в целом, мостом между психикой и телом, с одной стороны, и миром технокультурных артефактов, с другой. Кратко рассматриваются следствия этого утверждения для исследований человеческих телесности, смерти и памяти.

Ключевые слова

человеческая телесность; экстенсия; техносреда; техноморфа; ассамбляж; Эдвард Холл; Маршалл Маклюэн; Ричард Бакминстер Фуллер; Зигмунд Фрейд; Эрнст Капп

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная

1 Статья написана в рамках поддержанного РНФ исследовательского проекта № 18-18-00082

ВВЕДЕНИЕ

В ряде публикаций автору уже приходилось писать о различных типах сборок (ассамбляжей, множественностей) телесного и технического (Соколовский, 2016; 2018b; Sokolovskiy, 2019). Типологии этих сборок, оставаясь предварительными, сохраняют, тем не менее, свою полезность в дискуссиях между последователями различных вариантов транс- и постгуманизма, а также в междисциплинарных исследованиях телесности, медиа, STS, памяти и смерти (Соколовский, 2019; Sokolovskiy, 2021). Их рассмотрение и учет имеют прямое отношение к проблеме границ тела, изучаемых не только в ходе анализа различных патологий и измененных состояний сознания, но и, например, при разработке робототехники или человеко-машинных систем, в телемедицине и в военных приложениях.

Человеческие тела всегда уже включены в разнообразные сборки техно-органической природы, и само их разнообразие является характеристикой человека с первых моментов его возникновения и эволюции. Не всегда эти *техне-* носят физико-материальный характер: многие умения, навыки, привычки, обычаи и рутинные действия (практики), а также обусловленные конкретной культурой двигательные и речевые стереотипы и телесные диспозиции в рассматриваемой здесь перспективе можно отнести к техникам в широком смысле слова, где артифицированные (“искусственные”, то есть *обусловленные /техно-/культурой и воспитанием*) элементы объединены в единое целое с “естественными” психофизиологическими возможностями человеческого организма. Такие целостности редко квалифицируются как гибридные, однако и в них телесность и психика оказываются не только и не просто “окультуренными” – сама культура как заведомо артифицированная целостность выступает здесь в качестве фундамента, на который опираются и телесность и психика человека. Чаще, однако, *техники тела* (термин Марселя Мосса – Mauss, [1934] 1936) или соматотехники сами оказываются компонентами более сложных ассамбляжей, в которые они оказываются включенными. Выражается это в оформлении навыков, умений, привычек, телесных диспозиций, связанных с регулярно используемыми инструментами, аппаратами, машинами, инфраструктурами, то есть с *артефактами* в самом широком смысле слова. Именно такие

сборки и будут выступать в качестве основного предмета предпринимаемого здесь рассмотрения.

В данной статье я хотел бы рассмотреть историю лишь одного понятия, являющегося частью упомянутых выше типологий, с целью уточнения его современного содержания и оценки эвристической ценности для междисциплинарных исследований тела (т.е. для *body studies*). Для его обозначения в русских переводах употреблялись такие термины как *расширение, добавление, продолжение, продление, приставка* и др., имеющие, впрочем, тот недостаток, что их семантика маскировала значения экстернализации и усиления (амплификации) или совершенствования какой-либо функции или конкретного органа человеческого тела. Это обстоятельство делает предпочтительным сохранение исходного латинского термина экстенсия в качестве родового, и использование остальных окказионально, по контексту употребления. В ходе рассмотрения истории этого термина я кратко охарактеризую некоторые из его аналогов (*Πρόσθεσις, Organprojektion*) и вытесненных им терминов-конкурентов (*innering, outering, dilation, ablation*), а также представлю набросок типологии самих экстенсий.

ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ “ЭКСТЕНСИЯ”

Появление в социальных науках термина экстенсия (extension) обычно связывают с именем создателя проксемики, американского антрополога Эдварда Холла, а его популяризацию и распространение – с публикациями канадского теоретика медиа Маршалла Маклюэна, использовавших его в своих работах 1950-1960-х гг., а также в серии писем многолетней переписки (Rogers, 2000). Хотя Маклюэн претендовал на первенство введения нового понятия (Molinaro & e.a., 1987, p. 287), трудно оспорить тот факт, что Холл еще в 1953 г. в работе “Анализ культуры”, написанной в соавторстве с учеником Эдварда Сэпира – Джорджем Трэгером (Hall & Trager, 1953), употреблял термин *extension*, впрочем не приводя его определения и не проводя специального анализа, но ограничиваясь лишь замечанием о существовании «материальных, организационных, экономических и интеракционных экстенсий у человека и животных» (p. 9). Важно подчеркнуть, что уже в этой ранней работе человеческая культура рассматривалась авторами как эволюционное развитие существовавших и у животных способов

изменения материальной среды (гнезд, логовищ, нор, паутины и т.д.) и ее приспособления к собственным нуждам.

В книге 1959 г. “Немой язык” Холл закрепил приоритет, вернувшись к понятию экстенсии, главным образом в главе, озаглавленной “Словарь культуры” (Hall, 1959, p.57–82). Обсуждая введенные им различия между формальным, неформальным и техническим модусами культуры на примере лыжного бега, он писал о лыжах как о реальном продолжении ног (“actual extension of the foot”) и прекрасно адаптированном органе передвижения (p. 87). Он упоминал, что и в животном мире некоторые организмы развили «специализированные экстенсии своих тел, заменяющие то, что могло бы делать само тело, и освобождающие его для других вещей», называя в качестве примеров паучьи сети, коконы и гнезда у птиц и рыб (p. 79). Холл подчеркивает, что у человека экстенсии стали самостоятельным и весьма развитым способом эксплуатации ресурсов окружающей среды:

> *Сегодня человек развил экстенсии практически для всего что он обычно делал с помощью своего тела. Эволюция оружия начинается с зубов и кулака и завершается атомной бомбой. Одежда и дома являются у человека экстенсиями биологических механизмов контроля температуры. Мебель заменяет сидение на корточках или на земле. Электроинструменты, очки, телевидение, телефоны и книги, несущие голос через времена и пространства, являются примерами материальных экстенсий. Деньги выступают как способ продления (extending) и сбережения труда. Наши транспортные сети теперь делают то, что мы прежде делали с помощью собственных ног и спин. Фактически все материальные вещи могут рассматриваться как экстенсии того, что человек прежде выполнял с помощью своего тела или какой-то его специализированной части* (p. 79).

Маклюэн, тем не менее, не без некоторых оснований, считал, что идея экстенсий принадлежит ему. В письме от 27 февраля 1962 г. он писал своему другу и ученику, священнику-иезуиту Вальтеру Онгу:

> *Встречали ли Вы работу Э.Т. Холла? Он утверждает, что взял свою идею технологий как экстернализации разума и функции (outerings of sense and function) у Бакминстера. Я же не брал ее ни у кого* (Molinaro & e.a., 1987, p. 287; Rogers, 2000, p. 122).

Речь здесь идет, разумеется, о различных версиях истории понятия, стоящих за разными терминами, и о нюансах значения, или семантических компонентах формирующегося понятия (группы близких понятий), стоящих за в тот период еще недостаточно разработанной идеей культуры и техники как экстернализации человеческих разума и тела, или своего рода "продолжений" и "усилений" специализированных функций и органов. Маклюэн развивал идею экстенсий в приложении к медиа, считая вслед за канадским социологом медиа Гарольдом Иннисом, что именно технологии коммуникации формируют общество. В одной своих первых книг он писал:

> *Все медиа – от фонетического алфавита до компьютера – являются экстенсиями человека, вызывающими глубокие и длительные в нем изменения и трансформирующие его среду. Например, [строительный] кран является продолжением [extension] руки, а колеса – экстенсиями ног. Коммуникативные технологии "растягивают" [extend] человеческий мозг, позволяя ему контактировать с удаленными частями мира* (McLuhan, 1962, p. 13).

Параллельно для выражения той же идеи Маклюэн использовал термины '*innering*' (букв. *овнутрение, усвоение*), '*outering*' (*овнешнение*) и '*dilation*' (*расширение*). По поводу первых двух Э. Холл замечает:

> *Маршалл Маклюэн обычно говорил об овнутрении и овнешнении (процессах, которые он наблюдал у человека), но мало кто догадывался, что он имеет в виду, пока он не начал рассуждать в терминах экстенсий – термине, который он в своей книге «Галактика Гуттенберга» заимствовал у автора …* (Hall, [1976], 1989, p. 245).

Следует, однако, отметить, что использование идеи экстенсии или "овнешнения" функций в контексте медиа исследований было действительно новаторским. Кроме того, сочетание "овнутрения" и "овнешнения" лучше описывало всю совокупность взаимодействия тела и коммуникативных технологий, или техники вообще, поскольку объединяло широкий класс техник тела, а именно умений, навыков, двигательных стереотипов и т.п., то есть всего

того, что было основано на инструментальном использовании самого человеческого тела и его членов – с экстенсиями и простетическими устройствами, расширяющими и усиливающими функции телесных умений, для чего требовалось “достраивание” тела с помощью внешних устройств, инструментов и аппаратов. Помимо этого, ‘outering’ при описании языка как инструмента было связано у Маклюэна еще и с созвучным ему ‘uttering’ (высказыванием). Ссылаясь, например, на свою работу 1960 г. «Влияние книгопечатания на язык в XVI веке» (в которой, впрочем, это рассуждение в его дословной форме отсутствует) (McLuhan, 1960), он пишет:

> *Языки, являясь формой технологии, которая состоит из расширения (dilation) или высказывания и овнешнения (uttering*[1] */outering/) одновременно всех наших чувств, в свою очередь немедленно оказываются подверженными влиянию или вторжению любого механически усиленного (extended) чувства. То есть письмо непосредственным образом воздействует на речь, не только на ее акцентуацию и синтаксис, но и на ее произнесение (enunciation) и социальное использование* (1962, p. 35).

Вопреки своему утверждению в письме Онгу (вполне вероятно – не без влияния Холла, упоминавшего также и в своей переписке с Маклюэном источник, откуда он почерпнул сам термин), уже летом 1962 г., во время личного знакомства с Ричардом Бакминстером Фуллером, состоявшегося в рамках т.н. Делосского симпозиума[2], Маклюэн признал первенство того в анализе и хронологизации (*phasing*) механических и прочих экстенсий, опубликованных Фуллером еще в 1935 г. в книге «Девять цепочек до Луны» (Fuller, [1935] 1938) и развиты х им в дидактической поэме *Untitled Epic Poem on the History of Industrialization* (1940/1962).

1 Известно, что слово *uttering* появилось в среднеанглийском из средненидерландского *uteren*, глагола с тем же значением, что и англ. *utter*; не исключена связь *uteren* с лат. *uterus* (матка), и, стало быть, этимологическая близость “высказывания” к “овнешнению” (рождению).

2 Симпозиум, на который приглашались ведущие интеллектуалы (философы, историки, экономисты, архитекторы, социологи, антропологи, географы и биологи), организовывал на своей яхте богатый греческий архитектор Константин Доксиадис. Проходивший в Эгейском море каждый июль с 1962 по 1975 гг., этот форум обычно длился одну–две недели и был посвящен глобальным проблемам людских поселений (т.н. экистике). Именно на нем Маклюэн познакомился с Фуллером. В 1964 г. по рекомендации Маклюэна на него был приглашен и Холл. Все трое уже состояли к тому времени в регулярной переписке (Molinaro & e.a., 1987, p. 308; Rogers, 2000, p. 122).

Ричард Бакминстер Фуллер (1895–1983), американский архитектор, изобретатель геодезической сферы, поэт, философ, визионер-футуролог, современники которого называли его да Винчи XX века, автор более двух десятков книг и сотен статей, рассматривая в своей первой книге болезни цивилизации и следствия неверных градостроительных решений, развивал весьма оригинальный взгляд на человека и культуру, предлагая развёрнутую инженерно-химическую метафору организации общества. В рамках этой метафоры, он описывает человека как "28-суставной бипед на модульной основе, ... с 62 тысячами миль капилляров", "завод электро-химического восстановления с хранилищами энергии в особых аккумуляторах", простую "электро-химическую комбинацию неодушевленных энергетических молекул", управляемую как корабль бессмертным "фантомным капитаном". Культура описывается им как

> *всего лишь шаг от искусственно созданных экстенсий поверхности тела – одежды – к жилищу, и от жилища – к мириадам орудий и инструментов ... рожденных необходимостью для совершения определенных функций, либо с большей точностью, либо с большей силой (leverage), нежели те, что могли совершаться исходным механизмом: зубочистка, например, лучше выполняет функцию очистки зубов, нежели ноготь, и легче поддается замене* (Fuller, 1938, pp. 18–21, 25–26).

Таким образом, он подчеркивал значимость движущих мотивов экстернализации, действующих в процессах реализации человеко-инструментальных и человеко-машинных гибридных целостностей. Однако и Фуллер, книги которого сделали свой вклад в формирующиеся представления об экстенсиях в экологии (здесь, впрочем, первенство по праву принадлежит Холлу), как и в медиа исследования (нисколько не умаляя значимости работ Маклюэна), не был первым из тех, кто отмечал наличие теснейших связей между человеческим телом и произведенной с его помощью техносредой как совокупностью артефактов. Почти десятилетием ранее основатель психоанализа Зигмунд Фрейд в своей работе *«Das Unbehagen in der Kultur»* (известной по разным переводам на русский как «Цивилизация и ее тяготы» или «Недовольство культурой»), не используя термина экстенсия, но трактуя орудия, инструменты и машины как "материализацию" и "протезирование" функций человеческого организма, писал:

Всеми своими орудиями человек усовершенствует свои органы – как моторные, так и сенсорные – или же раздвигает рамки их применения. Моторы предоставляют в его распоряжение гигантские силы, употребимые, подобно его мускулам, в различных целях; пароход и самолет делают беспрепятственными передвижение по воде и по воздуху; очки корректируют недостатки хрусталика глаза; телескоп дает возможность видеть на огромные расстояния; с помощью микроскопа преодолевается граница видимости, положенная строением нашей сетчатки. Человек создал фотокамеру – инструмент запечатления текучих зрительных впечатлений; граммофонная пластинка делает то же самое со звуковыми впечатлениями. И то и другое суть материализации его способности запоминания, памяти. С помощью телефона он слышит на таком расстоянии, которое считалось невероятным даже в сказках; письменность с самого начала представляла собой речь отсутствующих; жилище – эрзац материнского лона, первого и, может быть, доныне желанного обиталища, в котором мы пребываем в безопасности и так хорошо себя чувствуем.
… С давних времен человек создавал себе идеальное представление о всемогуществе и всезнании, воплощением которых были его боги. … Теперь он очень близко подошел к достижению этих идеалов, он сам сделался чуть ли не богом. … Человек стал, так сказать, богом на протезах [Prothesengott], величественным, когда употребляет все свои вспомогательные органы, но они с ним не срослись и доставляют ему порой еще немало хлопот (Freud, [1930] 2006, 2, pp. 386–387).

Фуллер не цитирует в своей книге основателя психоанализа (поскольку его первая книга была написана для широкой публики, она вообще не содержит библиографических ссылок), однако упоминает африканские исследования Карла Густава Юнга и приходит в результате сопоставления со своими наблюдениями за соотечественниками к весьма примечательному выводу:

Можно утверждать, что в Соединенных Штатах сформировался новый "тип" человеческого животного и что этот тип являет собой тот способ существования, который оказывается передовой демонстрацией тенденций научного развития общемирового типа. Когда достаточное число особей вида будет

характеризоваться относительно идентичными экстенсиями, эти экстенсии можно будет определенно считать неотъемлемой частью существ данного вида (Fuller, 1938, p. 27).

Это высказывание содержит не только утверждение о становлении глобального типа человека в ходе технологического прогресса, но и менее явную мысль о наличии множества локальных типов, оформляющихся под воздействием специфичных для каждой культуры и ограниченных ее географией комплексов экстенсий – явления, которое я обозначил термином *техноморфа* (Соколовский, 2017, стр. 28–29).

Если Фуллер и не был первопроходцем в открытии и описании экстенсий, и даже не является автором первой их классификации (ведь уже Фрейд, как это очевидно из приведенного выше рассуждения, разделял их на два класса – моторные и сенсорные), то его мысль об агрегатных целостностях, в которых человеческое тело выступает в качестве одного из элементов, безусловно опережала время более чем на полвека.

Поведение на дороге и манеры людей во время вождения куда более раскрывают их характер, нежели изысканные манерность и поведение пешеходов. Если, находясь в потоке машин, держать в уме эту мысль, то внезапно обнаруживаешь, что автомобили являются экстенсиями своих водителей, как и сами их "водители" со всеми их шляпами, пальто, ботинками и лицами – как коробка в коробке в какой-нибудь детской игре. Приняв это взгляд на единство человека и его автомобиля, можно утверждать, что вес среднего молодого работающего американца превышает тонну, так как средний автомобиль весит 2 800 фунтов, и что составной американец вместе с его групповыми механизмами-экстенсиями (the composite American extensible into his group mechanisms) – аэропланом, железнодорожным поездом, the Normandie[1] и плотиной Боулдер[2] – в миллионы раз больше любого исторически жившего организма. Вполне возможно, что Льюис Кэрролл описал в своей Алисе в стране чудес как раз поэтическую сторону этого понятия.

1 Normandie («Норманди́») – трансатлантический лайнер, почтово-пассажирский турбоэлектроход, спущенный со стапелей в октябре 1932 г. и осуществлявший трансатлантические рейсы Гавр – Плимут –Нью-Йорк.

2 Дамба Боулдер (более известная как Hoover Dam) – плотина с гидроэлектростанцией высотой 221 м в нижнем течении реки Колорадо.

> *…Индустриальные механизмы таких гаргантюанских масштабов несомненно не могут быть экстенсиями отдельного человека, но их вполне оправданно рассматривать как экстенсии множеств людей, а совокупности людей, совместно пользующиеся такими общими механизмами-экстенсиями в математическом отношении можно характеризовать в момент такого использования как единую персону* (Fuller, 1938, p. 27–28).

В этом рассуждении, на первый взгляд, нет ничего особенно нового. В конце концов, не отделяем же мы улитку от ее домика-раковины, рассматривая их в качестве единого организма. Однако, во-первых, оно следует логике ассамбляжа, предложенного и проанализированного много позднее в работах Ж. Делёза (последний использовал термин *agencement*, переведенный на англ. Брайаном Массуми как *assemblage*), а затем в рамках различных объектно-ориентированных онтологий (например, в работах Мануэля Деланды), повлиявших на ряд социальных наук, включая антропологию и культурную географию. А во-вторых в этом рассуждении мы сталкиваемся с эксплицитно обсуждаемой идеей инфраструктур как коллективных экстенсий человеческих тел – то есть с мыслью, не в полной степени освоенной и оцененной в ее революционности еще и сегодня[1]. Для того, чтобы в полной мере оценить ее, нужно ближе познакомиться со столь странными с позиций модернистской онтологии целостностями как *ассамбляжи* (в версиях Жиля Делёза и Феликса Гваттари или Мануэля Деланды), *акторные сети* (в версиях Мишеля Каллона, Брюно Латура или Джона Ло) или с предложенным британским антропологом Мэрилин Стрэзерн понятием *частичных связей* (*partial connections*). В рамках данной статьи вряд ли уместен разбор этих концепций. Для понимания феномена человеческой телесности, которая с их помощью может адекватно описываться, здесь будет достаточно отсылки читателя к соответствующей литературе.

Концепция ассамбляжа была обусловлена выбором Делёзом и Гваттари в пользу *множественности* против *единства*, и *события* (*процесса*) против *сущности*, в результате чего ассамбляжи в мереологическом плане (ср.: Lowe, 2009; 2013) заняли срединное

1 В истории человечества выразительными примерами влияния масштабных инфраструктур на человеческую телесность является влияние перехода к земледелию (т.н. аграрной революции), приведшего к уменьшению объемов черепа и перестройке зубочелюстной системы (Cochran & Harpending, 2009, p. 112), или имевших место значительно ранее процессов глоттогенеза, наоборот существенно увеличивших объем мозга человека по сравнению с другими приматами (Jones & e.a., 1992, p. 123).

место между организмами и машинами. Органы в организме связаны внутренними отношениями таким образом, что не выживают вне его, как и организм без них, и составляют единство, не предполагающее свободной рекомбинации частей. Части машины, напротив, зависимы от внешних сил, а сами механизмы в силу этого квалифицируются в философской мереологии как агрегатные (Nail, 2017), или по выражению Делёза и Гваттари (1998, стр. 35), которое они вводят в своем анализе концепта – *фрагментарные целостности*, множественности (*multiplicities*). Человеческие тела в их объединении с обеспечивающими их жизни и существование (техно)средами тоже выступают как ассамбляжи, как фрагментарные и подверженные рекомбинации целостности, каждая часть которых продолжает нести следы или отпечатки этих агрегированных ансамблей даже после их распада или пространственного рассеяния. Например, автомобиль может существовать без своего водителя, сохраняя свою функциональность, как и водитель, покидая машину, остается водителем. Он сохраняет в числе своих умений навык вождения, а габариты автомобиля оказываются вписанными в его схему тела. Автомобиль тоже хранит следы человеческих тел и замыслов – конструктора, сборщика, механика и водителя, отраженные в его дизайне, устройстве и индивидуальных характеристиках износа, зависящих от стиля вождения. Фуллеру удалось выразить эту мысль значительно короче: «автомобили являются экстенсиями своих водителей».

Вернемся, однако, к истории понятия экстенсия. Прежде Фуллера еще один архитектор – Шарль-Эдуард Жаннере, более известный как Ле Корбюзье (1887–1965) уже в 1925 г., в своей работе “Современное декоративное искусство”[1], писал:

> *Все мы нуждаемся в средствах, дополняющих наши естественные способности, поскольку природа безразлична, бесчеловечна (сверх-человечна) и сурова; мы рождаемся нагими и плохо вооруженными … Бочка Диогена, уже весьма заметное улучшение наших органов защиты (наших кожи и скальпа), предоставляет нам первобытную ячейку жилища; каталожные ящики и копировальная бумага для писем восполняет недостатки нашей памяти; шкафы и комоды являются вместилищами, в которых*

1 Книга была написана как полемика с концепцией парижской выставки декоративного искусства, организованной французским Министерством промышленности и торговли в 1925 г. и дала жизнь термину Art Deco – стилю, с которым боролся Ле Корбюзье, утверждая простоту и функциональность индустриального дизайна.

> *мы храним наши запасные конечности (auxiliary limbs), защищающие нас от холода или жары, голода или жажды ... Мой интерес связан с окружающей нас механической системой, являющейся не более чем продолжением (an extension) наших органов; ее элементы выступают фактически как искусственные конечности* (Le Corbusier, [1925] 1987, p. 72).

То, что Ле Корбюзье назвал “механической системой” в контексте этого рассмотрения было бы уместнее именовать техносредой, элементы которой (в виде техник тела, умений, привычек, обработанных культурой жестов и мимики, глубоко усвоенных правил и норм поведения, протезов, экстенсий, имплантов и лекарств) усваиваются, интегрируются, меняют и становятся составными частями тех агрегатных целостностей, которые мы продолжаем опознавать как человеческие тела, но которые, однако, уже изначально представляют собой гибридные техносоматические сборки.

КОНКУРИРУЮЩИЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Трансформирующее воздействие (техно)культуры на человеческое тело интимно связано с историей человечества на всех ее этапах и по праву рассматривается как важнейших фактор сапиентации – становления человека как вида. Некоторые элементы понятия экстенсии можно обнаружить уже у Аристотеля, Гиппократа и Галена в их трактовках *πρόσθεσις* – категории, сыгравшей важную роль в философских систамах Мартина Хайдеггера и Жака Дерриды. Однако для установления такого рода связей требуется более детальное представление о содержании сравниваемых понятий. Попытки углубить историю идеи, связанную с различными трактовками понятия экстенсии и других близких ему понятий наталкивается на отсутствие прямых документальных свидетельств их передачи от автора к автору, либо заимствования. Было бы, например, соблазнительно, сопоставить взгляды хорошо знавшего немецкую научную литературу Фрейда с близкими, но высказанными на полвека ранее, воззрениями одного из основателей философии техники Эрнста Каппа (1808–1896). Немецкий медиа-теоретик и историк литературы Фридрих Киттлер утверждал, например, что Фрейд понятия не имел о работе Каппа (Kittler, [1999] 2010, p. 204). Впоследствии однако выяснилось, что Фрейд не только располагал книгой Каппа в своей библиотеке,

но и взял ее с собой, когда был вынужден оставить Вену и переехать в Лондон. Она до сих пор хранится в лондонском музее Фрейда (Kirkwood & Weatherby, 2018, p. 9).

Капп, развивая понятие проекции, широко используемое в психологии того периода, например, в работах сторонника экспериментальной психологии и одного из основателей этнопсихологии Вильгельма Вундта (1832–1920), переносит это понятие с психических функций на конечности и органы человеческого тела и разрабатывает оригинальную концепцию культуры как органопроекции (*Organprojektion*), распространяя это понятие на инструменты, аппараты и машины, а затем и на масштабные технические инфраструктуры – транспортные и телеграфные сети (Kapp, 1877, pp. 29–67, 77–106, 139–154, 165–208). Помимо психологии, Капп в написании своего труда опирался на концепцию немецкого механика Франца Рёло (1829–1905), изложенную в книге «Кинематика механизмов: очерк теории машин» (Reuleaux, 1876) и на гегелевскую философию права, заложив не только основы философии техники, но и сформулировав многие идеи, используемые по сей день в теории медиа. Его влияние обнаруживаются и в работах Маклюэна. Сравнивая телеграф с нервной системой, а железные дороги – с системой кровообращения, Капп излагал диалектику внешнего и внутреннего, среды и организма, трактуя технологии как экстериоризацию функций органов тела. Согласно его представлениям и в соответствии с усвоенными им принципами гегелевской диалектики, человечество сначала создало орудия как бессознательные проекции органических функций и только потом стало осознавать через эти артефакты собственное тело, его органы и функции. Маклюэн использует эти идеи Каппа в своих размышлениях о медиа, однако не упоминая имени Каппа и ссылаясь исключительно на Фрейда.

Объединение в единую концепцию механизмов проекции, бессознательного и передовой для того времени концепции кинематики, осуществленное в работе Каппа, обусловило ее влияние не только на возникшие позднее психоаналитические концепции, но и на современную теорию медиа и ведущие концепции техники. Использование им понятия проекции как модели бессознательного переноса человеческих сил и способностей вовне лежит, как представляется, и сегодня в основе таких концепций как концепции распределенного (*distributed*) или расширенного (*extended*) сознания (Clark & Chalmers, 1998).

ТИПОЛОГИИ ЭКСТЕНСИЙ

Экстенсии можно классифицировать по размеру в отношении человеческого тела (микро-, мезо- и макроэкстенсии); по их расположению относительно тела; по типу функций или способностей человека, которые конкретные их виды усиливают или заменяют и вытесняют.

Одна из простых и очевидных типологий, обусловленных естественной установкой, то есть психологией обыденного сознания, является топологическая классификация, строящаяся на основании пространственного положения технических компонентов сборок по отношению к человеческому телу – *внутренние* или *внешние*, *контактные* или *дистантные*, *объемлющие* (*инклюзивные*) или *смежные* (*лимитрофные*, *пограничные*). Примерами контактных экстенсий являются трость, лыжи, ласты, джойстик, лук, ружье, копье, весло, ручные инструменты, очки, линзы, одежда. К числу дистантных экстенсий следует отнести все инфраструктурные системы и артефакты – дома, мосты, транспортные системы. Примерами объемлющих экстенсий или “оболочек”, охватывающих тело и превращающих его во "внутренний" элемент сборки, могут служить автомобиль, одежда, жилище.

Если связи контактных экстенсий с телом вполне очевидны – например, практически все ручные инструменты предполагают развитие умений пользоваться ими, пополняя техники тела новыми и исподволь меняя телесность (пример: молот и тело молотобойца), то влияние дистантных экстенсий, лишь эпизодически оказывающихся в прямом соприкосновении с телом, обычно скрыты, хотя пользование ими всегда предполагает обретение особых умения, сноровки, или привычки. Даже ходьба (а тем более – бег) по лестнице требует наличия телесного навыка (предполагающего выработку устойчивых паттернов движения, то есть наличие особой телесной техники и в буквальном смысле интеграции лестницы в схему тела[1], создания ассамбляжа), при отсутствии которого человек рискует падением.

Наиболее важной в методологическом отношении представляется предложенная еще Фрейдом типология экстенсий, разделяющая их на телесные (моторные) и перцептивные (сенсорные), которую следует дополнить еще одним классом –

1 Более развернутый пример, иллюстрирующий работу сборки “человеческое тело + эскалатор” см. в: (Соколовский, 2018а, стр. 61).

когнитивных экстенсий. К числу моторных экстенсий Фрейд относит все, что увеличивают мускульную силу человека или ускоряют его перемещения – инструменты, машины, транспортные системы. В качестве примеров перцептивных экстенсий он приводит, главным образом, те из них, что усиливают или компенсируют ограниченность зрения человека – очки, микроскоп, телескоп. Его пример с фотоаппаратом, увязываемый им не столько с визуальным каналом, сколько с памятью, является, скорее, примером когнитивных экстенсий, образцами которых могут служить не только компьютер, но и книга, блокнот, или первые счеты – абак.

Все эти типологии являются антропо- и соматоцентричными, то есть не только используют человеческое тело в качестве отправного пункта типологизации, но еще и исходят из представления об очевидности и стабильности границ тела. Такие неявные допущения отчасти обусловлены самой историей и контекстом появления понятия экстенсии в период господства модерной идеологии с ее строгими оппозициями между живым и мертвым, телесным и техническим, средой и организмом и т.п. Вместе с тем, существование экстенсий уже самим своим фактом снимает эти оппозиции и размывает границы между телесным и техническим, природным и искусственным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятый экскурс в историю понятия экстенсия позволяет прийти к следующим выводам. Экстенсии являются техносоматическими сборками, в которых человеческое тело оказывается одним из элементов ассамбляжа. Они сопряжены с телом таким образом, что увеличивают его моторные, сенсорные или когнитивные возможности, опираясь на технические “дополнения” функций и способностей человеческого организма. Основными характеристиками экстенсий, таким образом, становятся их способность к *экстериоризации* и *амплификации* возможностей человеческого тела.

Экстенсия как особый тип гибридной техносоматической реальности, как химерическое понятие, объединяющеев своем содержании телесное (природное) и произведенное человеком (культурное, техническое, искусственное), становится в столь расширенной трактовке синонимом техники или культуры в целом, своего рода мостом между психикой и телом, с одной

стороны, и миром технокультурных артефактов, с другой. Ее отделимость от тела, относительная автономность и открывающиеся в этой связи возможности для совершенствования (эволюция техники и культуры) и преобразования среды, а также относительно большая устойчивость к повреждающим факторам по сравнению с органической материей– вот главные преимущества экстенсий над органами и функциями биологического организма.

Экстенсии, разумеется, не исчерпывают разнообразия типов интеграции организма и элементов среды. Обзор концепций экстернализации в связи с понятием экстенсии должен быть дополнен описанием противоположного процесса – интернализации, интегрирующего организм и его среду. В современной научной литературе он выражается семейством понятий, по-разному терминологически выражаемых в зависимости от дисциплины: например, *ассимиляция* – в физиологии и психологии личности (синонимы – усвоение и присвоение), *техники тела* и *хабитус* – в социологии, *воплощение* (*embodiment*) в когнитивных и нейронауках и др. Техника действительно многократно увеличивает мышечную силу человеческого тела, реализует волевые импульсы, умножает возможности зрения и слуха, позволяя улавливать и регистрировать самые слабые и недоступные нашим органам чувств процессы, явления и объекты. С ее помощью человек действительно, как писал Фрейд, становится простетическим Богом. Учет обоих процессов – экстернализации и интернализации, обеспечивающих интеграцию человеческого тела с его (техно)средой, позволяет по-новому увидеть тело как результат сложных процессов овнешнения и усвоения, как часть техносоматических ассамбляжей или сборок, плохо приспособленную к выживанию вне созданной усилиями сотен поколений техносреды. Простетическая составляющая в каком-то смысле превращает всю человеческую культуру в телесную, как и человеческое тело – в артефакт, размывая тем самым границы тел и вещей, природного и искусственного.

В свою очередь взгляд на человеческую телесность как на изначально киборганическую или техносоматическую сущность заставляет переосмыслитьее содержание как основного предмета в междисциплинарных исследованиях тела и в исследованиях смерти, поскольку теперь таким предметом становится “тело-в-сборке”, техносоматический гибрид, техноморфа, киборганизм, а не физическое тело, взятое в его абстрагированной от среды форме.

Аналогичным образом в исследованиях смерти, телесной кончины, возникает проблематика смерти киборганического тела как распределенной сети более или менее устойчивых ассамбляжей, в которых физическое тело участвовало прижизненно, и с которыми оно оказалось связанным постмортально[1]. В предпринятом автором исследовании индивидуальных коммеморативных практик, реализованном на основе анализа небольшого корпуса автобиографических текстов и опроса людей, потерявших близких, выяснилось, что их стимулами часто оказываются следы распределенного социального тела умершего – материальные составляющие тех ассамбляжей, в которых оно участвовало при жизни как составная часть разнообразных сборок (Sokolovskiy, 2021). Такого рода коммеморативные акты часто разворачиваются в персональном пространстве и потому остаются недостаточно изученными. Таким образом, помимо исследований телесности и смерти, обсуждаемые здесь понятие экстенсии и сборки (ассамбляжа) важны и для исследований социальной памяти.

Список литературы

Arnold, M., Gibbs, M., Kohn, T., Meese, J. & Nansen, B. (2018). D*eath and Digital Media.* London: Routledge.

Carroll, E. & Romano, J. (2010). *Your Digital Afterlife.* Indianapolis, IN: New Riders Press.

Clark, A. & Chalmers, D. (1998). The extended mind. *Analysis*, (58), 7–19.

Cochran, G. & Harpending, H. (2009). *The 10,000 Year Explosion: How Civilization Accelerated Human Evolution.* New York: Basic Books.

Fortunati, L., Katz, J. E. & Riccini, R. (Eds.). (2003). *Mediating the Human Body: Technology, Communication, and Fashion.* London: Lawrence Erlbaum Assoc. Publ.

Freud, S. [1930] (2006). Das Unbehagen in der Kultur. In Freud, S. *Werkausgabe in zwei Bänden* (Bd.2. Anwendungen der Psychoanalyse, S. 367–424). Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.

Fuller, R. B. [1935] (1938). *Nine Chains to the Moon.* Carbondale, Ill.: Southern Illinois Univ. Press.

Hall E. T. & Trager, G. L. (1953). *The Analysis of Culture.* Washington: American Council of Learned Societies, (pre-print).

Hall, E. T. (1959). *The Silent Language.* Garden City, NY: Doubleday,

Hall, E. T. [1976] (1989) *Beyond Culture.* N.Y.: Anchor Books.

1 Примерами последних изобилуют исследования т.н. цифровой смерти (ср.: Arnold, Gibbs & e.a., 2018; Carroll & Romano, 2010).

Jones, S., Martin, R. D. & Pilbeam, D. (Eds.). (1992). *The Cambridge Encyclopedia of Human Evolution.* Cambridge, UK: Cambridge University press.

Kapp, E. (1877). *Grundlinien einer Philosophie der Technik. Zur Entstehungsgeschichte der Kultur aus neuen Gesichtspunkten.* Braunschweig: George Westermann.

Kirkwood, W. J. & Weatherby, L. (2018). Operations of Culture: Ernst Kapp's Philosophy of Technology. *Grey Room,* (72), 6–15.

Kittler, F. (2010). *Optical Media: Berlin Lectures, 1999.* Cambridge, UK: Polity Press.

Law, J. (1992) Notes on the Theory of the Actor-Network: Ordering, Strategy, and Heterogeneity. *Systems Practice,* 5(4), 379-393.

Le Corbusier. (1987). *The Decorative Art of Today.* Cambridge, Mass.: MIT Press.

Lemos Morais, R. & Canevacci, M. (2016). Digital Ubiquity in the Anthropocene: the non-anthropocentric anthropology of Massimo Canevacci. *Antrocom. Journal of Anthropology,* 12(1), 5-12.

Lowe E. J. (2013). Mereological Extensionality, Supplementation, and Material Constitution. *The Monist,* (96), 131–148.

Lowe, E. J. (2009). *More Kinds of Being: a Further Study of Individuation, Identity, and the Logic of Sortal Terms.* Chichester: Wiley-Blackwell.

Mauss, M. [1934] (1936). Les techniques du corps. *Journal de Psychologie*, XXXII (3-4), 365–386.

McLuhan, M. (1960). The Effect of the Printed Book on Language in the Sixteenth Century. In Carpenter, R. & McLuhan, M. (Eds.) *Explorations in Communication* (pp. 125–135). Boston, Mass.: Beacon press.

McLuhan, M. (1962). *The Gutenberg Galaxy.* Toronto: University of Toronto Press.

Molinaro, M., McLuhan, C. & Toye, W. (Eds.). (1987). *Letters of Marshall McLuhan.* New York: Oxford University Press.

Nail, Th. (2017). What is an Assemblage? *SubStance*, 46(1), 21-37.

Reuleaux, F. (1876). *The Kinematics of Machinery: Outlines of a Theory of Machines.* London: Macmillan.

Rogers, E. M. (2000). The Extensions of Men: the Correspondence of Marshall McLuhan and Edward T. Hall. *Mass Communication & Society*, 3(1), 117–135.

Sokolovskiy, S. V. (2019). Bodies and Technologies through the Prism of Techno-Anthropology. *Forum for Anthropology and Culture*, (15), 97–115.

Sokolovskiy, S. V. (2021). Turning towards Materiality, Nonhuman Agency, and Hybridity. *Anthropologica*, 61(4) (in press).

Uexküll J., von [1920] (1921). *Umwelt und Innenwelt der Tiere. 2-te Aufgabe.* Berlin: Springer Verlag.

Делёз, Ж. & Гваттари, Ф. (1998). *Что такое философия?* Санкт-Петербург: Алетейя.

Соколовский, С. В. (2016). “Онтологический поворот” и исследования материальной культуры. В С. В. Соколовский (Отв. ред.), *Российская антропология и “онтологический поворот”* (с. 254–302). Томск: Изд-во Томского университета.

Соколовский, С. В. (2017). Антропотехноморфизмы и антропология техно-корпо-реальности. *Социология власти,* 29(3), 23–40. Doi: 10.22394/2074-0492-2017-3- 23-40.

Соколовский, С. В. (2018a). Техночеловечество и антропология повседневности. *Этнографическое обозрение*, (6), 54–65. Doi: 10.31857/S0 869 541 500 02 452-7.

Соколовский, С. В. (2018b). Соматотехники и техноморфизмы: к проблеме антропологии человека-в-техносреде. *Этнографическое обозрение*, (6), 5–11. Doi: 10.31857/S0 869 541 500 02 448-2.

References

Arnold, M., Gibbs, M., Kohn, T., Meese, J., & Nansen, B. (2018). D*eath and Digital Media.* London: Routledge.

Carroll, E. & Romano, J. (2010). *Your Digital Afterlife.* Indianapolis, IN: New Riders Press.

Clark, A. & Chalmers, D. (1998). The extended mind. *Analysis*, (58), 7–19.

Cochran, G. & Harpending, H. (2009). *The 10,000 Year Explosion: How Civilization Accelerated Human Evolution.* New York: Basic Books.

Deleuze G. & Guttari, F. [1991] (1998). *Qu'est-ce Que la Philosophie?* Saint-Petersburg: Aleteia (in Russian).

Fortunati, L., Katz, J. E. & Riccini, R. (Eds.). (2003). *Mediating the Human Body: Technology, Communication, and Fashion.* London: Lawrence Erlbaum Assoc. Publ.

Freud, S. [1930] (2006). Das Unbehagen in der Kultur. In Freud, S. *Werkausgabe in zwei Bänden* (Bd.2. Anwendungen der Psychoanalyse, S. 367–424). Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.

Fuller, R. B.[1935] (1938). *Nine Chains to the Moon.* Carbondale, Ill.: Southern Illinois Univ. Press.

Hall, E. T. (1959). *The Silent Language.* Garden City, NY: Doubleday,

Hall, E. T. [1976] (1989) *Beyond Culture.* N.Y.: Anchor Books.

Hall, E. T. & Trager, G. L. (1953). *The Analysis of Culture.* Washington: American Council of Learned Societies, (pre-print).

Jones, S., Martin, R. D. & Pilbeam, D. (Eds.). (1992). *The Cambridge Encyclopedia of Human Evolution.* Cambridge, UK: Cambridge University press.

Kapp, E. (1877). *Grundlinien einer Philosophie der Technik. Zur Entstehungsgeschichte der Kultur aus neuen Gesichtspunkten.* Braunschweig: George Westermann.

Kirkwood, W. J. & Weatherby, L. (2018). Operations of Culture: Ernst Kapp’s Philosophy of Technology. *Grey Room,* (72), 6–15.

Kittler, F. (2010). *Optical Media: Berlin Lectures, 1999.* Cambridge, UK: Polity Press.

Law, J. (1992) Notes on the Theory of the Actor-Network: Ordering, Strategy, and Heterogeneity. *Systems Practice,* 5(4), 379-393.

Le Corbusier. (1987). *The Decorative Art of Today.* Cambridge, Mass.: MIT Press.

Lemos Morais, R. & Canevacci, M. (2016). Digital Ubiquity in the Anthropocene: the non-anthropocentric anthropology of Massimo Canevacci. *Antrocom. Journal of Anthropology,* 12(1), 5-12.

Lowe E. J. (2013). Mereological Extensionality, Supplementation, and Material Constitution. *The Monist,* (96), 131–148.

Lowe, E. J. (2009). *More Kinds of Being: a Further Study of Individuation, Identity, and the Logic of Sortal Terms.* Chichester: Wiley-Blackwell.

Mauss, M. [1934] (1936). Les techniques du corps. *Journal de Psychologie*, XXXII (3-4), 365–386.

McLuhan, M. (1960). The Effect of the Printed Book on Language in the Sixteenth Century. In Carpenter, R. & McLuhan, M. (Eds.) *Explorations in Communication* (pp. 125–135). Boston, Mass.: Beacon press.

McLuhan, M. (1962). *The Gutenberg Galaxy.* Toronto: University of Toronto Press.

Molinaro, M., McLuhan, C. & Toye, W. (Eds.). (1987). *Letters of Marshall McLuhan.* New York: Oxford University Press.

Nail, Th. (2017). What is an Assemblage? *SubStance*, 46(1), 21-37.

Reuleaux, F. (1876). *The Kinematics of Machinery: Outlines of a Theory of Machines.* London: Macmillan.

Rogers, E. M. (2000). The Extensions of Men: the Correspondence of Marshall McLuhan and Edward T. Hall. *Mass Communication & Society*, 3(1), 117–135.

Sokolovskiy, S. V. (2016). "Ontological Turn" and Material Culture Studies. In S.V. Sokolovskiy (Ed.). R*ussian Anthropology and the "Ontological Turn"* (pp. 254–302). Tomsk: Tomsk University press (in Russian).

Sokolovskiy, S. V. (2017). Anthropotechnomorphisms and the Anthropology of Techno-Corpo-Reality. *Sociology of Power*, 29(3), 23–40. Doi: 10.22394/2074-0492-2017-3- 23-40 (in Russian).

Sokolovskiy, S. V. (2018a). Somatotechniques, Technomorphisms and the Issue of the Human-in-Techno-Environment. *Etnograficheskoe obozrenie,* (6), 5–11. Doi: 10.31857/S0 869 541 500 02 448-2 (in Russian).

Sokolovskiy, S. V. (2018b). Techno-Humanity and the Anthropology of the Everyday. *Etnograficheskoe obozrenie,* (6), 54–65. Doi: 10.31857/S0 869 541 500 02 452-7 (in Russian).

Sokolovskiy, S. V. (2019). Bodies and Technologies through the Prism of Techno-Anthropology. *Forum for Anthropology and Culture*, (15), 97–115.

Sokolovskiy, S. V. (2021). Turning towards Materiality, Nonhuman Agency, and Hybridity. *Anthropologica*, 61(4) (in press).

Uexküll J., von [1920] (1921). *Umwelt und Innenwelt der Tiere. 2-te Aufgabe.* Berlin: Springer Verlag.